

УДК 343.2

Караваева Виктория Анатольевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист
учебно-методического управления учреждения образования,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
2006_victory@mail.ru

Viktoryia A. Karavayeva

Head teacher Educational and Methodical managements
of establishment of education,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of
2006_victory@mail.ru

Ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства (некодифицированный период)

Retrospective analysis of the rule-making technique of the criminal law (uncodified period)

***Аннотация.** Проводится ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства некодифицированного периода. Отмечается, что современные технико-юридические средства и приемы, использованные при конструировании уголовного закона, явились результатом длительного эволюционного процесса, особенности которого должны быть учтены при исследовании конкретных уголовно-правовых норм. Рассмотрены особенности конструирования структурных элементов источников права, подходы к конструированию норм, а также форма и содержание положений, схожих с современными примечаниями. Определены этапы становления нормотворческой техники уголовного законодательства.*

***Ключевые слова:** история нормотворческой техники, уголовно-правовое нормотворчество, уголовный закон, основной состав, квалифицированный состав, санкция, примечание.*

***Annotation.** A retrospective analysis of the rule-making technique of the criminal legislation of the uncodified period is carried out. It is noted that modern technical and legal means and techniques used in the construction of criminal law were the result of a long evolutionary process, the features of which should be taken into account when studying specific criminal law norms. The features of the design of the structural elements of sources of law, approaches to the design of norms, as well as the form and content of provisions similar to modern notes are considered. The stages of formation of the rule-making technique of criminal legislation are determined.*

***Key words:** history of rule-making technique, criminal law rule-making, criminal law, main composition, qualified composition, sanction, note.*

Исследование процесса становления нормотворческой техники играет важную роль в процессе совершенствования действующего уголовного законо-

дательства. Анализ исторических источников права позволяет обнаружить определенные тенденции общественного развития, которые повлияли на уровень нормотворческой техники Уголовного кодекса Республики Беларусь. Современные технико-юридические средства и приемы, использованные при конструировании уголовного закона, явились результатом длительного эволюционного процесса, особенности которого должны быть учтены при исследовании конкретных уголовно-правовых норм.

Исследование истории отечественного уголовного законодательства целесообразно начинать с обращения к средневековым источникам права XI–XIII вв. (Русская Правда, договорные грамоты белорусских государств-княжеств с иностранными государствами и др.). Одним из первых источников права является Русская правда, вошедшая в состав древнего сборника под названием «Кормчая книга». Исследователями отмечается непосредственное влияние церковного и светского византийского права на формирование древнерусского права [8, с. 14].

С точки зрения нормотворческой техники средневековые источники права характеризовались недостаточной структуризацией нормативного материала: текст не был разделен на разделы, главы, статьи. Например, в первоначальном тексте Русской правды отсутствовала какая-либо нумерация: текст был для удобства разделен на статьи летописцами. Нормы средневековых источников права XI–XIII вв. преимущественно имели казуистический характер в связи со стремлением законодателя наиболее подробно отразить все возможные случаи совершения противоправных деяний. Структура норм в Русской Правде в целом характеризовалась единообразием. Гипотеза начиналась со слов «паки ли», «оже», «аще», «а», которые имели значение «если»; диспозиция выражалась словом «то». Логическая импликация частей древнерусской нормы представляла собой вопрос, поставленный в гипотезе (произошло ли конкретное событие, является ли лицо виновным и т. д.), и ответ на этот вопрос [4, с. 14]. Казуистический характер норм Русской Правды predetermined точность формулировок санкций, большинство из которых в современном понимании могут быть отнесены к абсолютно-определенным.

В рамках исследования средневековых источников права достаточно сложно говорить о предпосылках к формированию Общей и Особенной частей. Указанные части формально отсутствовали, однако анализ норм древнерусских законов позволяет полагать, что первоначально происходило формирование норм Особенной части, поскольку основное внимание было уделено именно закреплению признаков конкретных противоправных деяний.

Источники права Великого княжества Литовского XIII–XVI вв. по своей структуре и конструкции норм схожи с Русской Правдой, однако в содержательном плане они отражают более высокий уровень развития отдельных институтов уголовного права. Так, в общеземской грамоте великого князя Казимира 1447 г. впервые встречается понятие противоправного деяния – проступка (ст. 4). В Судебнике 1468 г., который считается первым кодифицированным уголовным законом белорусских земель, содержалось четкое указание на про-

тивноправный характер преступного деяния при помощи словосочетаний «выступ из права» (ст. 12), «над правом сягнуть» (ст. 21).

Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. явились результатом переработки текущего законодательства и практики его применения, отдельных положений римского, немецкого, польского права, а также обычного права. С точки зрения нормотворческой техники в Статутах ВКЛ наблюдаются значительные изменения в структуризации нормативного материала: текст был разделен на разделы, главы и артикулы. В Статутах ВКЛ начался процесс формирования специальной юридической терминологии [1, с. 32].

Артикулы Статутов ВКЛ были значительного объема и носили казуистический характер, однако в Статуте 1529 г. наблюдается процесс приведения артикулов к единой конструкции: «если бы кто..., то», «если бы кто, ... тогда». В современном понимании санкции Статутов ВКЛ можно охарактеризовать как абсолютно-определенные и относительно-определенные. Анализ санкций показывает постепенный отказ от имущественных наказаний, которые были наиболее распространены в Статуте ВКЛ 1529 г., в пользу публичных и устрашающих.

Наиболее прогрессивным с точки зрения нормотворческой техники являлся Статут ВКЛ 1588 г. В данном документе впервые получили законодательное закрепление важнейшие принципы уголовного права: равенство всех перед законом, презумпция невиновности, соответствие наказания совершенному деянию и др. Статут ВКЛ 1588 г. действовал на белорусских землях до начала XIX в. и после присоединения к Российской империи оказал значительное влияние на развитие нормотворческой техники российского законодательства, в частности, он явился одним из источников Соборного Уложения 1649 г.

Принятие Артикула Воинского Петра I 1715 г. оказало значительное влияние на дальнейшее формирование нормотворческой техники отечественного уголовного законодательства. Артикул Воинский Петра I был разработан по форме шведских, датских, немецких и французских военных артикулов. Отдельными исследователями отмечается влияние византийского военного законодательства [5, с. 14–15]. Текст данного документа был приближен к современному: присутствовала рубрикация, постепенно преодолевалась казуистичность норм, впервые появились дефиниции, происходило дальнейшее формирование юридической терминологии. Артикул Воинский Петра I оказал значительное влияние на формирование Общей части уголовного закона, а также уголовно-правовых санкций. В Артикуле Воинском Петра I впервые появились положения, которые были обособлены от основного содержания артикула словом «толкование», по содержанию сходные с современными примечаниями.

Отдельные исследования, посвященные проблемам нормотворческой техники, в юридической науке отсутствовали до XVIII в. Появление первых отраслевых требований к форме и содержанию уголовного закона было обусловлено сформировавшимися в европейской уголовно-правовой науке направлениями (школами).

В Западной Европе в XVIII в. возникает просветительско-гуманистическое направление (Ш. Л. Монтескье, Вольтер, Ч. Беккариа,

Ж. П. Марат и др.), представители которого излагали взгляды буржуазии, стремившейся к ограничению власти феодалов. Основные идеи данного направления выражались в развитии положений о предупреждении преступности, о соразмерности преступления и наказания, а также о неотвратимости наказания. Распространение в обществе просветительно-гуманистических идей привело к постепенному изменению характера наказаний, что отразилось на формировании уголовно-правовых санкций. В уголовном законодательстве наблюдается отказ от применения публичной смертной казни и иных устрашающих видов наказаний, начинается «эра карательной сдержанности».

В конце XVIII в. – начале XIX в. в уголовно-правовой науке возникает классическое направление (И. Кант, Г. Гегель, А. Фейербах, И. Бентам и др.). Его представителями сформулирован принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*», который был взят за основу для построения уголовных кодексов большинства европейских стран. Значительное внимание уделялось анализу догмы уголовного права, общим требованиям к построению уголовного закона и уголовно-правовых институтов, а также анализу конкретных составов преступлений. Основные идеи классического направления были отражены в Уголовном кодексе Франции 1810 г. и Уголовном кодексе Баварии 1813 г.

С 1826 г. по 1832 г. развитие нормотворческой техники уголовного закона связано с теоретической и практической работой по систематизации законодательства под руководством М. М. Сперанского. Итогом указанной деятельности явился Свод законов Российской империи 1832 г., действие которого было распространено на белорусские земли царским указом от 25 июня 1840 г. Основой для создания Свода законов, по мнению исследователей, было сочинение английского философа Ф. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», а также достижения римского права и европейской юриспруденции.

В структурном отношении составители Свода законов учли передовые особенности нормотворческой техники, сформулированные представителями классического направления в уголовном праве и закрепленные в австрийском, французском и баварском уголовных кодексах. В Своде законов впервые произошло обособление норм, которые в современном понимании могут быть отнесены к Общей части уголовного права. Значительные изменения произошли в области расположения нормативного материала: нормы Общей части были логически выстроены «от преступления к наказанию», процессуальные уголовно-правовые нормы были отделены от материальных, группировка норм Особенной части осуществлялась по объекту преступного посягательства.

В 1845 г. в Российской империи было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое в целом характеризовалось сложной структурой: в документе насчитывалось более двух тысяч статей. В ходе его подготовки были использованы действующие уголовные уложения зарубежных стран, что, несомненно, не могло не повлиять на уровень нормотворческой техники. В Уложении 1845 г. формально не были выделены Общая и Особенная части, однако некоторые ученые называют Общей частью первый раздел «О преступленияхъ, проступкахъ и наказанияхъ вообще».

Законодатель использовал при конструировании норм квалифицирующие признаки и «примечания». Характер примечаний существенно не отличался от положений, закрепленных в статьях. Их использование преимущественно было направлено на привлечение внимания в процессе восприятия текста закона. Возможно, именно с этим связан тот факт, что данный структурный элемент стал называться именно «примечание».

Во второй половине XIX в. классическое направление в европейской уголовно-правовой науке, несмотря на значительное количество преимуществ, подвергалось критике, поскольку его представители осуществляли конструирование уголовно-правовых норм без учета исторических и социально-экономических условий, основные проблемы уголовного права были рассмотрены ими с формально-юридической стороны [5, с. 701]. Реакцией на теоретические и практические недостатки классического направления явились антропологическое (Ч. Ломброзо, Э. Феррри, Р. Гарофало и др.) и социологическое (Ф. фон Лист, А. Принс, В. Ван-Гамель, И. Я. Фойницкий и др.) направления. Представители антропологического направления обосновывали идею биологического характера преступности. Утверждалось, что человек изначально рождается с определенным набором антропологических черт, которые определяют его преступное поведение.

Последующие научные исследования в области уголовного права поставили под сомнение многие положения антропологического направления, однако, несмотря на это, оно способствовало развитию отдельных институтов уголовного права. В частности, появились теоретические разработки возраста уголовной ответственности, характеристики личности преступника, а также мер медицинского характера, применяемых к лицам, страдающим психическими расстройствами, учения о вменяемости и т. д. Многие положения антропологического направления явились предпосылками к возникновению криминологии.

В основу социологического направления в уголовно-правовой науке была положена теория социально-экономических, физических (космических) и биологических (физических) факторов преступности, разработанная итальянским юристом Э. Ферри. Представителями социологического направления обоснована идея «опасного состояния личности», в соответствии с которой к преступнику, наряду с наказанием, применялись меры безопасности вне зависимости от того, совершило ли лицо конкретное преступление или нет. Основанием уголовной ответственности являлось наличие у лица определенных физических или психологических особенностей, которые опасны для общества. Следует отметить, что, несмотря на радикальность указанной теории, она была использована в дальнейшем при подготовке отдельных норм уголовного законодательства.

В 1864 г. был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее – Устав 1864 г.), который регламентировал проступки, за совершение которых предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до одного года. Статьи Устава 1864 г. отличаются единообразной конструкцией, которая, как правило, выглядит следующим образом: «за несоблюдение... виновные подвергаются...». Для описания объективной стороны преступления впервые ис-

пользуются отглагольные существительные, такие как «присвоение», «хранение», «несоблюдение», «производство», «нарушение», «устройство», «употребление» и др.

Примечания присутствуют как в первой главе, содержащей общие положения, так и в последующих главах. К одной статье относилось от одного до шести различных примечаний. В отличие от Уложения 1845 г. примечания по содержанию можно объединить в определенные группы (случаи, на которые действие статьи не распространяется, разъяснения, отсылки и др.). В то же время имелись некоторые противоречия в использовании примечаний. Например, случаи, на которые действие статьи не распространяется, могли располагаться как в примечании, так и в тексте статьи (ст. 104).

На рубеже XIX–XX вв. происходит процесс доктринального оформления нормотворческой техники, который связан с развитием юридического позитивизма, в рамках которого проблема формы нормативных предписаний выходит на первый план. Основу концепции нормотворческой техники составил догматический юридический метод. Появляются первые крупные исследования, посвященные проблемам нормотворческой техники [2; 3].

22 июня 1903 г. в Российской империи было утверждено Уголовное уложение, которое состояло из 37 глав, включавших 687 статей. В уголовно-правовой литературе Уголовное уложение характеризуется преимущественно критически. Основным недостатком данного акта является чрезмерная казуистичность норм и сопутствующая ей многостатейность. Однако, несмотря на все недостатки, Уголовное уложение было разработано в конкретные исторические и социально-экономические условия и соответствовало уровню развития нормотворческой техники. Происходит постепенное совершенствование конструкции статей, предусматривающих квалифицированные составы. Так, появляются «сквозные» квалифицирующие признаки, присутствующие в нескольких главах («учинено умышленно», «по корыстному побуждению» и др.); постепенно преодолевается многозначность терминологии, характерная для Уложения 1845 г. Положения, которые ранее законодатель размещал в примечаниях, а также дополнениях к статьям, в Уголовном уложении были перемещены в содержание статей.

Впервые на законодательном уровне закрепление требований нормотворческой техники было осуществлено в 1913 г. в Правилах изложения законопроектов Российской империи. Данный документ регулировал вопросы формулирования названий структурных элементов законопроектов, порядка внесения изменений и дополнений; закреплял грамматические и стилистические правила, предъявляемые к законопроектам и т. д. Некоторые положения документа интересны с точки зрения конструирования уголовного закона. Например, в ст. 5 указывалось, что следует «избегать примечаний; к отделам же общей части законопроектов не допускать их вовсе» [7, с. 5].

Таким образом, проведенный ретроспективный анализ нормотворческой техники уголовного законодательства некодифицированного периода позволяет выделить следующие этапы ее становления: до начала XVIII в. – этап казуистического изложения норм, характеризующийся недостаточной структуриза-

цией нормативного материала. Основное внимание в источниках права уделяется наиболее полному и точному описанию признаков противоправных деяний, что в современном понимании свидетельствует о предпосылках к формированию Особенной части уголовного закона. Примечания используются преимущественно для привлечения внимания и содержат положения, различные по содержанию. В целом при конструировании структурных элементов источников права прослеживается связь с установлениями римско-византийской эпохи;

XVIII в. – 1922 г. – этап постепенной структуризации нормативного материала, характеризующийся усложнением средств и приемов нормотворческой техники. Структура источников права представлена четким делением на главы и статьи, имеющие нумерацию. Происходит совершенствование конструкции статей: наблюдается структурное обособление санкции от диспозиции; появляются квалифицирующие признаки. Проявляются предпосылки к формированию Общей части уголовного закона. В примечаниях располагаются положения, которые могут быть сгруппированы по определенным критериям. На формирование структурных элементов источников права значительное влияние оказало просветительно-гуманистическое, а также классическое направление в науке уголовного права Западной Европы.

Литература:

1. Довнар, Т. И. *Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского* / Т. И. Довнар // *Аннали юрид. історії.* – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 30–37.
2. Жени, Ф. *Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях* / Ф. Жени // *Журн. М-ва юстиції.* – 1906. – № 8. – С. 122–166.
3. Иеринг, Р. *Юридическая техника* / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : [б. и.], 1905. – 105 с.
4. Исаев, М. Л. *Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства* / М. Л. Исаев. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.
5. Кучма, В. В. *Феномен рецепции византийского права в российском военно-уголовном законодательстве эпохи Петра I* / В. В. Кучма // *Античная древность и средние века : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. – Симферополь, 1995. – Вып. 27 : Византия и средневековый Крым.* – С. 7–18.
6. Наумов, А. В. *Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т.* / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – Т. 1 : *Общая часть.* – 710 с.
7. *Правила изложения законопроектов : выработаны особым совещ. из чинов Гос. канцелярии и канцелярии гос. думы.* – СПб. : [б. и.], 1914. – 33 с.
8. Фельдштейн, Г. С. *Главные течения в истории науки уголовного права в России* / Г. С. Фельдштейн ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 523 с.

Literature:

1. Dovnar, T. I. *The meaning and place of the Statute of 1566 in the legal development of the Grand Duchy of Lithuania* / T. I. Dovnar // *Annali jurid. istorii.* - 2017. - Vol. 1, No. 1. - pp. 30-37.

2. Zhenya, F. *Legislative technique in modern civil law codifications* / F. Zhenya // *Journal. The Ministry of Justice*. - 1906. - No. 8. - pp. 122-166.

3. Iering, R. *Legal technique* / R. Iering ; trans. from German F. S. Schoendorff. - St. Petersburg : [B. I.], 1905. - 105 p.

4. Isaev, M. L. *Explanatory dictionary of Old Russian legal terms: from agreements with Byzantium to the charters of the Moscow State* / M. L. Isaev. - M. : Spark, 2001. - 119 p.

5. Kuchma, V. V. *The phenomenon of reception of Byzantine law in the Russian military-criminal legislation of the era of Peter I* / V. V. Kuchma // *Ancient antiquity and the Middle Ages : collection of scientific tr. / Ural State University - Simferopol, 1995. - Issue 27 : Byzantium and medieval Crimea. - pp. 7-18.*

6. Naumov, A.V. *Russian criminal law : a course of lectures: in 3 volumes* / A.V. Naumov. - Moscow: Volters Kluver, 2010. - Vol. 1 : General part. - 710 p

. 7. *Rules for the presentation of draft laws: developed by a special meeting. from the ranks of the State Chancellery and the Chancellery of the State Duma.* - St. Petersburg : [B. I.], 1914. - 33 p.

8. Feldstein, G. S. *The main trends in the history of the science of criminal law in Russia* / G. S. Feldstein; ed. and with a preface by V. A. Tomsinova. - M. : Zertsalo, 2003. - 523 p.